Я родилась рабыней. Подлинная история рабыни, которая осмелилась чувствовать себя человеком

Автор:
Харриет Джейкобс

Я родилась рабыней. Подлинная история рабыни, которая осмелилась чувствовать себя человеком

Харриет Джейкобс

Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю

«Я родилась рабыней» – реальная история и одно из немногих сохранившихся произведений о рабстве, написанных женщиной. Впервые опубликована в 1861 году под псевдонимом Линда Брент.

Это автобиография Харриет Джейкобс – рабыни, не смирившейся со своей участью и бежавшей из рабства, сага о жизни чернокожих рабов и сентиментальный женский роман под одной обложкой. История о целеустремленности и храбрости Линды стала классикой американской литературы и продолжает просвещать и вдохновлять и по сей день.

Харриет Джейкобс

Я родилась рабыней

Подлинная история рабыни, которая осмелилась чувствовать себя человеком

Harriet Jacobs

INCIDENTS IN THE LIFE OF A SLAVE GIR

Copyright © 2001 by Harriet Jacobs

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Предисловие автора

Да не усомнится читатель: это повествование – не вымысел. Я сознаю, что некоторые мои приключения могут показаться невероятными; но тем не менее они правдивы. Я не преувеличивала бедствий, кои влечет за собою рабство. Напротив, описания бледнеют в сравнении с фактами. Я скрыла названия мест и дала людям вымышленные имена. У меня нет причин таить сведения, касающиеся меня лично, но я считаю, что такими действиями оказываю любезность и участие другим людям.

Жаль, что для взятой на себя задачи я недостаточно сведуща. Но верю, читатели простят мои недостатки, учитывая обстоятельства. Я родилась и выросла в рабстве; прожила в рабовладельческом штате двадцать семь лет. С тех пор как я оказалась на Севере, мне необходимо было усердно трудиться, дабы заработать на собственное содержание и образование детей. Эта обязанность оставляла не так много досуга, чтобы наверстывать потерянные в юности возможности совершенствоваться; в результате приходилось писать эти страницы нерегулярно, когда удавалось выкроить час, свободный от домашних хлопот.

Когда я только прибыла в Филадельфию, епископ Пейн посоветовал опубликовать зарисовки о моей жизни, но я сказала, что для такого рода предприятия считаю себя некомпетентной. Хотя с тех пор мне удалось несколько отточить разум, мнения своего я не изменила; но верю, что мои мотивы оправдают то, что в ином случае могло бы показаться

самонадеянностью. Я записывала переживания не с целью привлечь внимание к себе самой; напротив, мне было бы не в пример приятнее промолчать. Не горю желанием и вызвать сочувствие к собственным страданиям. Но я искренне стремлюсь пробудить в женщинах Севера понимание состояния двух миллионов женщин на Юге, по-прежнему томящихся в неволе. Они терпят все то, что терпела я, а многим и намного хуже. Я хочу присовокупить свое свидетельство к голосам обладателей куда более искусного пера, дабы убедительно рассказать людям Свободных Штатов о том, что в действительности представляет собой рабство. Только на собственном опыте может человек понять, как глубока, темна, презренна эта клоака мерзостей. Да благословит Бог сей несовершенный труд в защиту моего гонимого народа!

Линда Брент

Предисловие редактора

С автором нижеследующей автобиографии я знакома лично, ее речь и манеры внушают мне полное доверие. В последние семнадцать лет она жила бо?льшую часть времени в доме одного почтенного семейства в Нью-Йорке и своим поведением внушила немалое уважение к себе. Этого факта достаточно, и иных рекомендаций ее репутации не требуется. Я полагаю, люди, ее знающие, не будут сомневаться в правдивости повествования, хотя некоторые случаи похожи на эпизоды романа более, чем настоящая беллетристика.

По ее просьбе я вычитывала и правила рукопись; но мои изменения главным образом касаются краткости и упорядоченности изложения. Я ничего не прибавила к событиям и не меняла сути весьма уместных замечаний. За малым исключением как мысли, так и язык здесь – ее собственные. Я немного сократила разрастания текста, но в остальном у меня не было резонов менять присущий ей живой и драматичный способ изложения собственной истории. Истинные имена как упомянутых людей, так и мест мне известны; но по веским причинам я не стану их называть.

Вызывает удивление, что женщина, воспитанная в рабстве, столь хорошо пишет. Однако обстоятельства это объясняют. Во-первых, природа одарила ее

живостью восприятия. Во-вторых, хозяйка, у которой она жила до двенадцати лет, была для девочки добрым участливым другом и научила ее чтению и правописанию. В-третьих, по прибытии на Север она оказалась в благоприятных обстоятельствах и часто общалась с умными людьми, по-дружески заинтересованными в ее благополучии и расположенными предоставлять возможности для самосовершенствования.

Я сознаю, что многие обвинят меня в нарушении приличий из-за того, что я представила эти страницы публике; ибо переживания умной и много страдавшей женщины относятся к предметам того рода, которые одни называют деликатными, а другие – граничащими с непристойностью. Эту конкретную грань рабства, как правило, принято скрывать; но публику необходимо знакомить с его чудовищными чертами, и я с готовностью беру на себя обязанность представить их без прикрас. Я делаю это ради своих сестер в неволе, которые страдают от несправедливостей столь мерзких, что уши оказываются слишком нежны, чтобы о них слушать. Я делаю это в надежде пробудить в совестливых и мыслящих женщинах Севера чувство долга, которое побудит их оказывать на других моральное влияние в вопросе рабства при любом удобном случае. Я делаю это в надежде, что каждый мужчина, который прочтет это повествование, торжественно поклянется пред Богом, что, если у него хватит сил предотвратить подобное, ни один беглец из рабства не будет отослан обратно, дабы продолжить страдать в ненавистном вертепе испорченности и жестокости.

Л. Мария Чайлд

I

Детство

Я родилась рабыней, но не знала этого, пока не пролетели шесть счастливых лет детства. Отец был плотником и считался мастером столь смышленым и умелым, что, когда собирались строить здание необычное, выбивавшееся из общего ряда, за ним посылали издалека, приглашая на место десятника. При условии уплачивать хозяйке двести долларов в год и самостоятельно содержать себя

ему было позволено заниматься ремеслом и управлять делами по своему усмотрению. Его сильнейшим желанием было выкупить детей; однако, хотя он несколько раз предлагал отдать с этой целью кровно заработанные средства, чаяние его так и не удовлетворили. Цвет кожи у родителей был коричневато-смуглым, светлого оттенка; их называли мулатами. Они жили вместе в уютном доме; и, хотя все мы были рабами, меня всегда столь любовно защищали от этого знания, что мне и в голову не приходило считать себя товаром, доверенным родителям для надежного хранения и способным быть востребованным в любое мгновение. У меня был брат, Уильям, на два года младше – смышленый, привязчивый ребенок.

А еще имелось великое сокровище в лице бабушки по матери, которая была во многих отношениях замечательной женщиной. Она была дочерью плантатора из Южной Каролины, который, лежа при смерти, освободил ее мать и своих троих детей, оставив им денег на дорогу до Сент-Августина, где у них проживали родственники. Это случилось во время Революционной войны[1 - Война за независимость США (1775–1783), которая в американской литературе чаще называется Американской революцией.]. Их изловили, когда они были в дороге, привезли обратно и продали другим владельцам. Такова история, которую бабушка рассказывала мне; но всех частностей я не помню. Она была маленькой девочкой, когда ее поймали и продали управляющему большой гостиницы. Я часто слышала, как ей тяжко приходилось в детстве. Но по мере взросления бабушка проявила такой недюжинный ум и преданность, что хозяин с хозяйкой не могли не понять: в их интересах позаботиться о столь ценном предмете собственности. Она стала незаменимым домочадцем, умелой мастерицей на все руки – и кухаркой, и кормилицей, и швеей. Кулинарные таланты ее удостаивались похвал, а чу?дные крекеры приобрели такую известность в округе, что попробовать их желали многие. Вследствие многочисленности просьб подобного рода она попросила у хозяйки позволения печь их по ночам, после того как переделана вся домашняя работа. И получила разрешение – при условии, что на вырученные деньги будет одевать и себя, и детей. Вот так, целый день усердно проработав на хозяйку, она начинала полуночные пекарские подвиги при помощи двух старших детей.

Затем хозяин умер, имущество поделили между наследниками. Вдова получила долю в виде гостиницы, которую не стала закрывать. Бабушка осталась в услужении, но детей поделили между собой хозяйские дети. Поскольку отпрысков было пятеро, младшего, Бенджамина, продали, дабы у каждого наследника оказалась доля долларов и центов, равная прочим. Разница в годах между нами была столь мала, что он казался скорее моим братом, нежели

дядюшкой. Бенджамин был умный, красивый мальчик, почти белый, ибо унаследовал внешность, которую бабушка получила от англосаксонских предков. Хоть ему и было всего десять лет, за него уплатили семьсот двадцать долларов. Его продажа явилась ужасным ударом для бабушки, но она от природы была склонна надеяться на лучшее и начала трудиться с удвоенной энергией, веря, что сумеет выкупить часть детей. Ей удалось скопить триста долларов, которые хозяйка однажды упросила ссудить ей, обещая вернуть. Читатель, верно, знает, что никакое данное рабу обещание – устное ли, письменное ли – не имеет законной силы; ибо, согласно южным законам, раб, будучи собственностью сам, никакой собственностью владеть не может. Когда бабушка одолжила хозяйке трудом и по?том заработанные деньги, она полагалась на честное слово последней. Честность рабовладелицы перед рабыней!

Когда мне было шесть лет, мать умерла, и тогда – впервые – из разговоров других мне стало известно, что я рабыня.

Доброй бабушке я обязана многими жизненными благами. Мы с братом в детстве часто получали от нее порции крекеров, пирогов и варенья, которые она делала на продажу, а выйдя из детского возраста, не раз были признательны за иные услуги.

Таковы необыкновенно удачные обстоятельства моего раннего детства. Когда мне было шесть лет, мать умерла, и тогда – впервые – из разговоров других мне стало известно, что я рабыня. Хозяйка матери была дочерью хозяйки бабушки – сводной сестрой моей матери; их обеих бабушка выкормила грудью. Более того, мать отняли от груди в три месяца, дабы малютка хозяйки получала достаточно пищи. Они вместе играли детьми, а когда стали женщинами, мама была вернейшею слугой некогда сводной сестре. На смертном одре хозяйка клялась, что ее дети никогда не будут знать ни в чем нужды – и пока была жива, слово держала. Все по-доброму отзывались о моей покойной матери, которая была рабыней лишь по названию, но природа ее отличалась благородством и женственностью. Я скорбела, и мой юный ум тревожил вопрос, кто отныне станет заботиться обо мне и моем брате. Сказали, что теперь моей семьей станет ее хозяйка, моим домом – ее дом; и в доме этом я обрела счастье.

Никаких тяжелых или неприятных работ не поручали. Хозяйка была столь добра, что я всегда была рада исполнить ее поручения и с гордостью трудилась столько, сколько позволял мой юный возраст. Я сидела рядом с нею часами, трудолюбиво занимаясь шитьем, с сердцем столь же свободным от забот, как и сердце любого свободнорожденного белого ребенка. Когда ей казалось, что я устала, она отсылала меня побегать и попрыгать; и я устремлялась собирать ягоды или цветы, дабы украсить ее комнату. То были счастливые дни – слишком, чтобы продлиться долго. У маленькой рабыни не бывает мыслей о завтрашнем дне; но тут пришла беда, которая, увы, рано или поздно поджидает каждое человеческое существо, рожденное быть движимым имуществом.

Когда мне было почти двенадцать лет, моя добрая хозяйка занедужила и скончалась. Видя, как блекли ее ланиты, как стекленели глаза, сколь искренно молилась я в душе, чтобы она жила! Я любила ее, ибо она была мне почти матерью. Молитвы остались без ответа. Она умерла, и ее похоронили на маленьком церковном кладбище, где я день за днем орошала ее могилу слезами.

Меня на неделю отослали к бабушке. Теперь я была достаточно взрослой, чтобы начать думать о будущем, и снова задавалась вопросом, что со мной сделают. Я была уверена, что никогда не найду хозяйки такой доброй, как прежняя. Она обещала моей умирающей матери, что дети ее ни в чем не будут знать нужды; и когда я это вспоминала и возрождала в памяти многие доказательства ее привязанности ко мне, не могла не питать надежды, что она освободила меня. Друзья были почти уверены, что меня ждет свобода. Они думали, будто хозяйка это сделала – в память о любви и верной службе матери. Но увы! Все мы знаем, что память о верной рабе слишком мало значит, чтобы спасти ее детей от аукционного помоста.

Несмотря на долгую и верную службу бабушки ее владельцам, ни один из ее детей не избежал аукционного помоста.

После недолгой задержки завещание хозяйки огласили, и мы узнали, что она завещала меня дочери своей сестры, пятилетней девочке. Так развеялись надежды. Хозяйка учила меня заповедям Слова Божьего: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»[2 - Евангелие от Марка, 12:31.]. «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»[3 - Евангелие от Луки, 6:31.]. Но я была ее рабыней, и, полагаю, ближнего она во мне не признавала. Многое я

отдала бы, чтобы стереть из памяти эту великую несправедливость! В детстве я любила хозяйку; оглядываясь на счастливые дни, которые провела с нею, стараюсь думать об этом акте несправедливости с меньшей горечью. Она учила меня чтению и правописанию, за эту привилегию, которая так редко выпадает на долю рабов, я благословляю ее память.

Рабов у нее было немного, и после смерти все были распределены между родственниками. Пятеро были детьми моей бабушки и вскормлены тем же молоком, которое выкормило детей ее матери. Несмотря на долгую и верную службу бабушки ее владельцам, ни один из ее детей не избежал аукционного помоста. В глазах хозяев эти богодухновенные машины ничем не отличаются от взращиваемого хлопка или обихаживаемых лошадей.

II

Новые хозяин и хозяйка

Доктор Флинт, врач нашей округи, женился на сестре моей хозяйки, и теперь я была собственностью их маленькой дочери. Не без ропота готовилась я к переезду в новый дом; и печаль усугублял тот факт, что брата Уильяма купила та же семья. Отец как по природе своей, так и по привычке к ведению дел был умелым мастером, и потому чувства его были ближе к чувствам человека вольного, чем раба. Брат был мальчиком вспыльчивым и, будучи воспитан под таким влиянием, отзывался о хозяине и хозяйке с ненавистью. Однажды случилось отцу и хозяйке одновременно позвать его, и он замешкался, озадаченный, не зная, к кому бежать, ибо не понимал, кого обязан слушаться в первую очередь. Наконец решил идти к хозяйке. Когда отец попрекнул его, он оправдался так:

– Вы оба позвали меня, и я не знал, к кому первому должен идти.

– Ты – мое дитя, – ответил отец, – и когда я тебя зову, должен идти немедля, хоть сквозь огонь и воду.

Бедный Вилли! Теперь ему предстояло усвоить первый урок повиновения хозяину. Бабушка пыталась подбодрить нас словами надежды, и они находили отклик в доверчивых юных сердцах.

Явившись в новый дом, мы были встречены холодными взглядами, словами и обращением. Мы радовались, когда наступала ночь. На узкой постели я стенала и рыдала от отчаяния и одиночества.

Я прожила в хозяйском доме почти год, когда умерла моя любимая подруга. Я слышала, как рыдала ее мать, когда комья земли падали на гроб единственной дочери, и отвернулась от могилы, ощущая благодарность за то, что у меня пока есть кого любить. На похоронах я повстречала бабушку, которая сказала: «Идем со мной, Линда». По ее тону я поняла, что случилось некое печальное событие. Она отвела меня в сторону и сказала:

– Дитя мое, твой отец умер.

Умер! Как в это поверить? Он скончался столь скоропостижно, что я даже не слышала, чтобы он болел. Вместе с бабушкой мы пошли к ней домой. Сердце бунтовало против Бога, который отнял у меня мать, отца, добрую хозяйку, а теперь и подругу. Бабушка пыталась утешить меня.

– Неисповедимы пути Господни, – говорила она. – Возможно, по доброте своей Он избавил их от тяжелых дней[4 - С англ. the evil days to come; Екклесиаст 12:1, в Елизаветинской библии «дние злобы твоея», в Синодальном переводе – «тяжелые дни».].

Годы спустя я много думала об этих словах.

Бабушка обещала быть матерью внукам, насколько ей будет позволено; и, укрепив силы ее любовью, я вернулась к хозяевам. Я думала, они позволят мне наутро пойти к дому отца; но мне велели идти за цветами, дабы украсить дом хозяйки к званому вечеру. Я провела день, собирая цветы и сплетая из них гирлянды, в то время как мертвое тело отца лежало в каком-то километре от меня. Что за дело до этого владельцам? Ведь он всего лишь собственность. Более того, они полагали, будто он избаловал детей, научив их считать себя человеческими существами. То была еретическая доктрина, которую не следовало преподавать рабам, дерзостная с его стороны и опасная для хозяев.

На следующий день я провожала его останки к скромной могиле; он упокоился рядом с моей бедной матерью. Присутствовали лишь те, кто знал ему истинную цену и уважал его память.

Теперь в доме стало еще мрачнее, чем прежде. Смех маленьких детей-рабов казался грубым и жестоким. Эгоистично было испытывать подобные чувства при виде чужой радости. Мой брат ходил с самым мрачным лицом. Я попыталась утешить его словами:

– Мужайся, Вилли; будет и на нашей улице праздник.

– Ничего ты не понимаешь, Линда, – отвечал он. – Все праздники нам суждено провести здесь; мы никогда не будем свободны.

Я возразила, что мы становимся старше и сильнее и, наверное, вскоре нам будет дозволено, как отцу, трудиться на свое усмотрение, уплачивая определенную сумму хозяевам. Тогда мы сумеем заработать и выкупить свободу. Уильям на это ответил: проще сказать, чем сделать; более того, выкупать свободу он не намерен. Дня у нас не проходило без споров на эту тему.

Питание рабов в доме доктора Флинта никого особенно не заботило. Кто успел перехватить кусок на ходу, тому повезло. Я не особенно тревожилась на этот счет, ибо, отправляясь по разнообразным поручениям, пробегала мимо дома бабушки, которая всегда находила, чем угостить. Мне не раз грозили наказанием, если буду заходить к ней; и бабушка, дабы не подвергать внучку опасности, часто поджидала меня у калитки, приготовив что-нибудь на завтрак или обед. Это ей я обязана всеми благами жизни, духовными и мирскими. Это ее трудами пополнялся мой скудный гардероб. Как живо вспоминается мне платье из грубого сукна, которое дарила каждую зиму миссис Флинт! Как я его ненавидела! Оно было одним из символов рабства.

В то время как бабушка помогала мне, поддерживая на долю из своих скудных заработков, триста долларов, которые она ссудила хозяйке, так и не вернулись. Когда хозяйка бабушки умерла, ее зятя, доктора Флинта, назначили душеприказчиком. Бабушка обратилась к нему с просьбой о выплате, но он сказал, что наследство признано банкротом, а в этом случае закон воспрещает какие-либо выплаты. Однако закон не воспретил самому доктору Флинту оставить себе серебряные канделябры, которые были куплены на эти деньги.

Полагаю, они так и будут передаваться по наследству в этом семействе из поколения в поколение.

Питание рабов в доме доктора Флинта никого особенно не заботило. Кто успел перехватить кусок на ходу, тому повезло.

Хозяйка неоднократно обещала, что после ее смерти бабушка освободится и в завещании это будет. Но когда вопрос с поместьем решили, доктор Флинт заявил верной старой служанке, что при сложившихся обстоятельствах ее необходимо продать.

В назначенный день вывесили обычное объявление, в котором говорилось, что состоятся «публичные торги движимого имущества: негров, лошадей и пр.». Доктор Флинт зашел к бабушке сказать, что не желает ранить чувства верной служанки, выставляя ее на аукцион, и что предпочел бы сбыть ее с рук на частной распродаже. Она видела лицемерие и очень хорошо понимала, что мужчина стыдится своих дел. Бабушка была женщиной весьма пылкой, и коль скоро доктору хватило низости продавать ее, после того как хозяйка намеревалась дать ей свободу, хотела сделать этот факт общеизвестным.

Долгие годы она снабжала множество местных семейств крекерами и вареньем; как следствие, «тетушку Марти» знали все и почитали за разумность и мягкий характер. Долгая и верная служба семейству была также общеизвестна, как и намерение прежней хозяйки дать ей свободу. Когда настал день продажи, она заняла место между невольниками и при первом же объявлении лотов вспрыгнула на аукционный помост. Множество голосов возгласили: «Позор! Позор! Кто собирается продавать тебя, тетушка Марти? Не стой там! Тебе там не место!» Не говоря ни слова, она спокойно ожидала судьбы. Никто не предложил за нее цены. Наконец слабый, дребезжащий голос произнес: «Пятьдесят долларов». Слова были сказаны старой девой семидесяти лет от роду, сестрою покойной хозяйки. Она сорок лет прожила под одним кровом с бабушкой; знала, как верно служила та владельцам и как жестокосердно была обманом лишена своих прав; и преисполнилась решимости защитить ее. Аукционист ждал более высокой цены; но желание почтенной женщины уважили: никто не стал набавлять цену против нее. Она не умела ни читать, ни писать; и когда была выправлена купчая, подписала ее крестом. Хотя какое это имело значение, коль скоро у нее было большое сердце, преисполненное человеческой доброты? Она

подарила старой служанке свободу.

В то время бабушке было всего пятьдесят лет. С тех пор год за годом трудилась она, не покладая рук, и теперь мы с братом стали рабами человека, который обманом лишил ее денег и пытался лишить свободы. Одна из сестер моей матери, тетушка Нэнси, тоже была рабыней его семьи. Нэнси всегда была доброй, ласковой тетушкой, а хозяйке служила и домоправительницей, и личной горничной. По сути, весь дом на ней и держался.

Миссис Флинт, как и многие южанки, отличалась полным отсутствием жизненной энергии. У нее не было сил надзирать за делами хозяйства; зато нервы были столь крепки, что она могла сидеть в мягком кресле и смотреть, как секут плетью какую-нибудь женщину, пока кровь не начинала струиться по телу после удара. Она была прихожанкой церкви; но принятие Вечери Господней[5 - Причастие.], кажется, не привило ей христианского расположения духа. Если случалось в воскресный вечер замешкаться с подачей ужина к столу, она приходила в кухню, дожидалась, пока его разложат по тарелкам, а затем поочередно плевала во все кастрюли и сковороды, использовавшиеся для готовки. Делала она это, чтобы кухарка и ее дети не пополняли собственную скудную трапезу остатками подливы и прочими поскребками. Рабы не имели права есть ничего, кроме того, что она решала дать. Всю провизию мерили фунтами и унциями по три раза на дню. Могу уверить, миссис Флинт не давала невольникам ни единого шанса полакомиться пшеничным хлебом из ее бочонка с мукой. Она знала, сколько выходит бисквитов из кварты муки и какого именно размера те должны быть.

Доктор Флинт был истинным гурманом. Кухарка, посылая ужин к его столу, всякий раз пребывала в страхе и трепете; ибо, если случалось сготовить блюдо не по его вкусу, он либо отдавал приказ выпороть ее плетью, либо принуждал съесть неугодное блюдо до последней крошки в его присутствии. Вечно недоедавшая бедная женщина, возможно, была бы не против такого прибавления к столу; но не так, чтобы хозяин запихивал еду ей в глотку, пока она не начинала давиться.

У Флинтов был комнатный песик, докучавший всем. Как-то раз кухарке велели приготовить для него индийский пудинг. Тот отказывался есть, а когда его ткнули в еду мордой, жижа потекла из носа в миску. Через считаные минуты он издох. Когда пришел доктор Флинт, то сказал, что каша была плохо сварена и по этой причине животное отказывалось есть. Он послал за кухаркой и заставил ее

съесть собачью еду. По его мнению, желудок женщины должен быть крепче желудка собаки; но ее мучения впоследствии доказали, что он ошибался. Бедная кухарка вынесла немало жестокостей от рук хозяев; иногда ее наказывали, запирая на целый день и ночь и не давая кормить грудного ребенка.

Я прожила в семье пару недель, когда в городок по приказу хозяина привезли одного из рабов с плантации. Случилось это ближе к ночи, и доктор Флинт велел отвести его в работный дом и привязать к балке, так что ступни несчастного самую малость не дотягивались до земли. В таком положении он должен был ждать, пока доктор завершит чаепитие. Я никогда не забуду тот вечер. Никогда прежде в жизни я не слышала, как человеку наносят сотни ударов плетью подряд. Его стоны, слова «молю, не надо, масса»[6 - Massa (англ.) – искаж. от master, хозяин.] звенели в моих ушах долгие месяцы. Догадок о причинах этого ужасного наказания строилось множество. Одни говорили, будто хозяин обвинил раба в краже кукурузы; другие утверждали, что он ссорился с женой в присутствии надсмотрщика и обвинял хозяина в том, что тот был отцом ее ребенка. Оба родителя были чернокожими, а ребенок – очень светлым.

Никогда прежде в жизни я не слышала, как человеку наносят сотни ударов плетью подряд.

На следующее утро я пришла в работный дом и увидела плеть из воловьей кожи, все еще мокрую от крови, на всех половицах тоже запеклась кровь. Бедняга выжил и продолжал ссориться с женой. Пару месяцев спустя доктор Флинт продал обоих работорговцу. Истинный виновник положил их стоимость в карман и получил удовлетворение от знания: теперь их не будет ни слышно, ни видно. Когда мать ребенка передавали в руки торговца, она сказала: «Вы обещали обращаться со мной хорошо!» На что он ответил: «Ты слишком распустила язык; будь ты проклята!» Она забыла, что для рабыни говорить, кто отец ребенка, – преступление.

Наказание в подобных случаях бывает не только от хозяина. Как-то раз я видела, как молодая рабыня умирала, только что родив почти белого ребенка. В муках она кричала:

– О Господь, приди и забери меня!

Хозяйка стояла рядом и насмехалась, словно была воплощенным демоном.

– Ты страдаешь, верно? – восклицала она. – Как я рада! Ты заслужила все это – и много большее!

Мать девушки сказала:

– Ребенок мертв, слава тебе, Господи, и надеюсь, мое бедное дитя вскоре тоже будет на небесах.

– На небесах?! – возразила хозяйка. – Нет в раю места для подобных ей и ее ублюдку!

Бедная мать отвернулась, рыдая. Умирающая дочь слабым голосом позвала ее, и, когда та склонилась, я услышала слова:

– Не печалься, матушка; Бог все видит, и Он смилуется надо мною.

После страдания стали столь сильны, что даже хозяйка почувствовала неспособность оставаться их свидетельницей. Но когда выходила из комнаты, презрительная улыбка по-прежнему кривила ее уста. Семеро детей называли ее матерью. А у бедной чернокожей женщины была всего одна дочь, чьи глаза при ней смежила смерть, в то время как она благодарила Бога, что забрал ее, избавив от дальнейших жизненных тягот.

III

Новый год у рабов

Доктору Флинту принадлежали красивый особняк в городке, несколько ферм и около пятидесяти рабов, не считая нанимавшихся на год.

День найма на юге проходит первого января. Второго января рабы должны отправиться к новым хозяевам. На ферме они трудятся, пока не собраны

кукуруза и хлопок. Тогда им дают два выходных дня. Некоторые хозяева накрывают пиршественные столы под деревьями. Когда два дня заканчиваются, они работают до кануна следующего Рождества. Если за это время против них не будут выдвинуты тяжкие обвинения, им дают четыре-пять выходных – в зависимости от того, сколько сочтет подобающим хозяин или надсмотрщик. Затем наступает канун Нового года, и рабы собирают свои невеликие – или, говоря точнее, почти ничтожные – пожитки и с тревогой ждут рассвета. В назначенный час условленные места наводняют толпы мужчин, женщин и детей, которые ожидают, точно преступники приговора, решения своей судьбы. Любой раб непременно знает, кто самый человечный, а кто самый жестокий хозяин на сорок миль[7 - 64 км.] вокруг.

В этот день легко понять, кто хорошо одевает и кормит своих работников, ибо он окружен толпой, умоляющей: «Пожалуйста, масса, наймите меня в этом году! Я буду очень усердно трудиться, масса!»

Если раб не желает переходить к новому хозяину, его секут кнутом или запирают в тюрьму, пока он не одумается и не поклянется в течение года не сбежать. Если случится ему передумать, полагая, что нарушение клятвы, вырванной силой, – поступок оправданный, горе ему, ежели поймают! Кнут будет взлетать, пока кровь не потечет под ноги, а потом его занемевшие конечности закуют в цепи, чтобы выволочь в поле и заставить трудиться дни напролет!

Если он доживет до следующего года, вероятно, тот же хозяин наймет его снова, даже не дав возможности выйти на площадь для найма. После того как хозяева разбирают рабов, вызывают тех, что подлежат продаже.

Она сидит на холодном полу хижины, глядя на детей, которые, возможно, окажутся оторваны от нее следующим утром; и часто желает она умереть вместе с ними еще до рассвета.

О ты, счастливая свободная женщина, сопоставь свой Новый год с Новым годом бедной невольницы! Для тебя это приятное время, и свет дня твоего благословен. Дружеские пожелания встречаешь ты повсеместно, и тебя осыпают подарками. Даже те сердца, что были ожесточены на тебя, смягчаются, и уста, что были замкнуты молчанием, отзываются в ответ: «Желаю вам счастливого

Нового года!» Дети приносят тебе маленькие дары и тянутся розовыми губками для поцелуя. Они – твои, и ничья рука, кроме длани смерти, не сможет отобрать их.

Но к матери-рабыне Новый год приходит, отягощенный особыми печалями. Она сидит на холодном полу хижины, глядя на детей, которые, возможно, окажутся оторваны от нее следующим утром; и часто желает она умереть вместе с ними еще до рассвета. Пусть она невежественное создание, униженное системой, которая тщилась превратить ее в животное с самого детства; у нее есть материнские инстинкты, она способна ощущать все муки матери.

В один из таких торговых дней я видела, как мать вела семерых детей на аукционный помост. Она знала, что некоторых отберут; но забрали всех. Дети были проданы торговцу рабами, а мать купил мужчина из ее города. Еще и вечер не настал, а все отпрыски были далеко. Она умоляла торговца сказать, куда он собирается их отвезти; тот отказался ответить. Да и как он мог, если знал, что распродаст одного за другим там, где сможет взять лучшую цену? Я встретила эту мать на улице, и ее безумное, измученное лицо по сей день живет в моей памяти. Она в муках заламывала руки и восклицала: «Никого нет! Никого у меня не осталось! Почему Бог не убьет меня?» У меня не нашлось слов, чтобы утешить ее. И такого рода случаи – явление ежедневное, да что там, ежечасное.

У рабовладельцев есть характерный для заведенных ими порядков метод избавления от старых рабов, отдавших жизнь служению им. Я знала одну старуху, которая семьдесят лет преданно служила хозяину. Она сделалась почти беспомощна от тяжкого труда и болезней. Владельцы перебрались в Алабаму, а эту чернокожую оставили перекупщику, чтобы тот продал ее любому, кто пожелает заплатить двадцать долларов.

IV

Раб, который осмелился чувствовать себя человеком

Минуло два года с тех пор, как я вошла в семью доктора Флинта, и эти годы щедро одарили меня тем знанием, которое рождается опытом, хотя для любого иного вида знаний возможностей предоставили мало.

Бабушка была в меру сил матерью осиротевшим внукам. Благодаря упорству и неиссякаемому трудолюбию она стала хозяйкой маленького уютного домика и жила, окруженная необходимыми вещами. Для полного счастья не хватало только, чтобы ее дети могли разделить это с нею. Их оставалось пятеро – трое детей и двое внуков; и все – рабы. Она искренне стремилась создать впечатление, словно такова воля Божия: Он счел уместным поместить нас в подобные обстоятельства, и, хотя они кажутся суровыми, мы должны молиться и быть довольными своей участью.

Прекрасная вера, учитывая, что исходила она от матери, которая не имела возможности называть собственных детей своими. Но мы – я и Бенджамин, ее младший сын, – эту веру порицали. На наш взгляд, Богу было бы угоднее, чтобы наше положение стало таким же, как у бабушки. Мы мечтали о доме, как у нее. Там мы находили животворный бальзам на наши раны. Она была ласковой, сочувствующей! Всегда встречала нас с улыбкой и терпеливо выслушивала горести. Она говорила с такой надеждой, что темные тучи невольно уступали место солнечному свету. А еще в ее доме была огромная печь, где пекся хлеб и готовились чудесные лакомства для всего городка. Мы знали, что для нас всегда припасены самые сладкие кусочки.

Но увы! Даже чары старой печи не могли примирить нас с тяжкой долей. Бенджамин стал высоким, красивым молодым человеком с телосложением сильным, но изящным, и с духом чересчур смелым и дерзким для раба. Мой брат Уильям, которому было двенадцать лет, питал то же отвращение к слову «хозяин», какое было свойственно ему и в семь лет. Я была его наперсницей. Он приходил со всеми бедами. Особенно запомнился один случай. Дело было чудесным весенним утром, и, когда я видела солнечный свет, игравший то там, то сям, его красота казалась насмешкой над моей печалью. Ибо хозяин, которого алчная и порочная натура заставляла рыскать денно и нощно, как дикого зверя, ищущего, кого бы пожрать, только что ушел от меня с язвительными, убийственными словами, что жгли слух и разум подобно огню. О, как я его презирала! Какую радость доставило бы мне, если б однажды, когда он шел по земле, та расступилась и поглотила бы его и избавила сей мир от чумы в человеческом облике.

Когда он сказал, что я создана, чтобы он пользовался мною, чтобы повиноваться во всем, и я всего лишь рабыня, чья воля должна покоряться его, – о, никогда еще в моей хрупкой руке не ощущалось и половины такой силы!

Столь глубоко погрузилась я после этого в тягостные размышления, что не видела и не слышала ничего, пока голос Уильяма не прозвучал за спиною.

– Линда, – спросил он, – отчего ты так опечалена? Люблю тебя, милая сестрица. О, Линда, разве есть хорошее в этом мире? Кажется, все в нем озлоблены и несчастливы.

Жаль, я не умер тогда, когда скончался бедный отец.

На что я ответила, что не все озлоблены или несчастливы; те, у кого есть уютные дома и добрые друзья и кто не боится любить их, – счастливы. Но мы, рабы от рождения, лишенные отца и матери, не можем рассчитывать на счастье. Мы должны быть послушными; наверное, это принесет нам удовлетворение.

– Да, – отозвался он, – я пытаюсь быть послушным, но что толку? Они сами то и дело втягивают меня в неприятности.

А потом Вилли пустился в рассказ о ссоре, случившейся у него днем с молодым хозяином Николасом. По-видимому, брат Николаса тешился, сочиняя об Уильяме небылицы. Николас сказал, что его следует высечь и он сам это сделает, после чего принялся за дело; но Уильям отважно дал отпор, и молодой хозяин, обнаружив, что раб берет над ним верх, решил связать ему руки за спиной. В этом он также не преуспел. Раздавая пинки и тумаки, Уильям вышел из стычки лишь с несколькими царапинами.

Он продолжал рассказывать о низости молодого хозяина – о том, как тот сек плетью маленьких мальчиков, но незамедлительно праздновал труса, если вспыхивала потасовка между ним и белыми мальчиками его собственного возраста.

Он продолжал рассказывать о низости молодого хозяина – о том, как тот сек плетью маленьких мальчиков, но незамедлительно праздновал труса, если вспыхивала потасовка между ним и белыми мальчиками его собственного возраста. В таких случаях он всегда спасался бегством. У Уильяма нашлись в его адрес и другие обвинения. Например, хозяин натирал медные монетки ртутью и выдавал их за четвертаки, расплачиваясь со стариком, который держал

фруктовую лавочку[8 - При натирании ртутью медь приобретает серебристый цвет, и ее можно выдать за серебро.]. Уильяма часто посылали купить фруктов, и он озабоченно спросил, что ему делать при таких обстоятельствах. Я сказала, что, безусловно, обманывать грешно и долг брата – рассказать старику о подлогах, которые в обычае у молодого хозяина. Я заверила, что он сразу смекнет, что к чему, и на том все и кончится. По мнению Уильяма, кончиться все могло для старика, но не для него. Он выразился в том духе, что не имеет ничего против, но вот мысль, что его будут хлестать плетью, ему не нравится.

Советуя быть послушным и уметь прощать, я сознавала, что в собственном глазу имеется целое бревно. Знание своих недостатков побуждало меня по возможности сдерживать искры той же пылкой натуры, которой Богу было угодно одарить брата. Не зря я прожила в рабстве четырнадцать лет. Я чувствовала, видела и слышала достаточно, чтобы читать характеры людей, окружавших меня, и догадываться о мотивах. Война моей жизни уже началась; и пусть я была одним из самых беспомощных созданий Господних, во мне зрела решимость никогда не стать побежденной. Увы мне!

Если и есть на свете чистый, залитый солнцем уголок, полагала я, то он – в сердцах Бенджамина и еще одного человека, которого я обожала со всем пылом первой девичьей любви. Владелец прознал об этом и стремился всеми возможными способами сделать меня несчастной. К телесным наказаниям он не прибегал, зато не существовало такого мелочного тиранства, изобрести которое способно человеческое хитроумие и которого он бы ко мне не применил.

Помню, как меня впервые наказали. Это было в месяце феврале. Бабушка забрала у меня старые башмаки и заменила их новой парой. Они были необходимы, ибо снег лег слоем в несколько сантиметров и останавливаться не собирался. Когда я ходила по комнате миссис Флинт, их скрип терзал ее утонченные нервы. Она подозвала меня и спросила, что есть у меня при себе такого, что издает столь мерзкие звуки. Я объяснила, что это новые ботинки. «Сними их, – велела она, – и если еще хоть раз наденешь, я брошу их в камин».

Я сняла ботинки, а вместе с ними и чулки. Затем она отослала меня с поручением – путь предстоял неблизкий. Я брела по снегу, и мороз леденил босые ноги. К вечеру я сильно охрипла и отправилась в постель, уверенная, что следующее утро застанет меня совершенно больной, а то и мертвой. Какова же была моя досада, когда, проснувшись, я обнаружила себя вполне здоровой!

Мне представлялось, что, если бы я умерла или надолго слегла, хозяйка ощутила бы угрызения совести за то, что так ненавидела «маленькую чертовку», как она меня окрестила. Только незнание натуры этой женщины могло дать пищу столь неумеренным фантазиям.

Доктору Флинту временами предлагали за меня высокую цену, но он всегда отговаривался словами: «Она принадлежит не мне. Она – собственность дочери, и я не имею права продавать ее». Какой добрый, честный человек! Моя юная хозяйка была ребенком, и у нее я искать защиты не могла. Я любила ее, и она платила ответными чувствами. Однажды я услышала, как отец в разговоре упомянул о привязанности девочки ко мне, а его жена тут же ответила, что это происходит от страха. Это заронило в мой разум неприятные сомнения. Действительно ли девочка изображала то, чего не чувствовала? Или мать ревновала к той крохе любви, которую малышка ко мне питала? Я пришла к выводу, что, должно быть, верна вторая причина. И сказала себе: «Кому и верить, как не ребенку».

Однажды днем я сидела за шитьем, ощущая несвойственный упадок духа. Хозяйка обвинила меня в провинности, тогда как я уверяла, что совершенно невиновна; но по презрительной кривизне губ видела, что она считает меня лгуньей.

Я не понимала, ради какой мудрой цели Бог ведет меня по столь тернистым путям, и не ждут ли меня еще более темные дни. Пока я сидела, уйдя в эти мрачные мысли, дверь тихонько приоткрылась, и через порог ступил Уильям.

– Ну, братец, – спросила я, – что на этот раз стряслось?

– О, Линда, Бен попал в большую беду из-за хозяина! – ответил он.

Первой мыслью было, что Бенджамин убит.

– Не пугайся, – поспешил добавить Уильям. – Я все расскажу.

Оказалось, хозяин Бенджамина послал за ним, а тот не сразу явился на зов. Когда пришел, хозяин был вне себя от гнева и попытался отстегать его плетью. Бенджамин воспротивился. Хозяин и раб стали бороться, и наконец хозяин был повержен. У Бенджамина были все причины дрожать от ужаса: он опрокинул на

землю хозяина – одного из богатейших людей в городке. Я в тревоге ожидала последствий.

Той же ночью я тайком прокралась домой к бабушке, и туда же явился без ведома хозяина Бенджамин. Бабушки не было: она на день или два отправилась в гости к старой подруге, жившей в деревне.

– Я пришел, – сказал Бенджамин, – попрощаться с тобой. Я ухожу.

Я спросила, далеко ли.

– На Север, – ответил он.

Я всмотрелась в него, пытаясь понять, не шутит ли. И увидела ответ в его плотно сжатых, твердых губах. Я принялась молить его не убегать, но он не внял моим словам. Сказал, что давно не мальчик и с каждым днем рабское ярмо гнетет его все сильнее. Он поднял руку на хозяина, и за это преступление грозила публичная порка кнутом. Я напомнила о нищете и тяготах, с которыми он столкнется среди незнакомцев. Я говорила, что его могут изловить и вернуть обратно, и одна мысль об этом вселяла в меня ужас.

Мои слова его только раздосадовали, и он спросил в ответ, не лучше ли свобода, пусть и с бедностью и тяготами, чем то, как с нами обращаются в рабстве.

– Линда, – горячо говорил он, – здесь мы – дворовые псы, пыль под ногами, рабочий скот – словом, все, что есть на свете самого низкого. Нет, я не останусь! Хотят – пусть возвращают обратно. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Он прав; но как трудно мне было отступиться!

– Иди, – бросила я тогда, – и разбей матери сердце!

Я раскаялась в своих словах, еще не успев их договорить.

– Линда, – ответил он тоном, какого я еще не слышала в тот вечер, – как могла ты такое сказать?! Бедная матушка! Будь добра к ней. И ты тоже, кузина Фэнни.

Кузина Фэнни – бабушкина подруга, которая несколько лет жила с нами.

Мы обменялись словами прощания, и этот умный, добрый юноша, завоевавший наши сердца многочисленными поступками, полными любви, скрылся из виду в темноте.

О подробностях его побега я умолчу. Достаточно сказать, что на пути к Нью-Йорку судно, на котором он плыл, застиг свирепый шторм. Капитан сказал, что придется зайти в ближайший порт. Это встревожило Бенджамина, который сознавал, что объявления о нем будут разосланы по всем портам, ближайшим к родному городку. Капитан заметил его замешательство. Когда судно пришло в порт, объявление не ускользнуло от глаз капитана. Бенджамин был описан настолько точно, что капитан велел схватить его и заковать в цепи. Буря миновала, и они продолжили путь в Нью-Йорк. Незадолго до того, как судно достигло места назначения, Бенджамин исхитрился освободиться от оков и бросился за борт. С судна ему бежать удалось, но за ним была послана погоня, его изловили и отвезли обратно к хозяину.

Он спросил в ответ, не лучше ли свобода, пусть и с бедностью и тяготами, чем то, как с нами обращаются в рабстве.

Когда бабушка вернулась домой и узнала, что младший сын совершил побег, великая печаль охватила ее; но с характерным для нее благочестием она сказала: «Воля Божия да исполнится». Каждое утро она спрашивала, не слышно ли вестей о ее мальчике. И вести не замедлили себя ждать. Хозяин возрадовался, получив письмо, в коем сообщалось о поимке его живого имущества.

Мнится, это было лишь вчера – настолько хорошо я помню тот день. Я увидела, как Бенджамина в цепях вели по улицам в тюрьму. Лицо было мертвенно бледным, однако исполненным решимости. Он упросил одного матроса зайти домой к матери и передать ей просьбу не искать с ним встречи. По его словам, при виде матери в расстроенных чувствах он не сумеет совладать с собой. Она же жаждала видеть его – и все равно пошла, но скрывалась в толпе, чтобы уважить просьбу.

Посетить его нам не дозволили; но мы много лет были знакомы с тюремщиком, человеком добросердечным. В полночь он отпер дверь тюрьмы и тайком впустил нас с бабушкой. Когда мы вошли в камеру, ни один звук не нарушал царившей тишины.

– Бенджамин, Бенджамин, – прошептала бабушка. Нет ответа. – Бенджамин! – снова срывающимся голосом позвала она.

Раздался лязг цепей. Луна едва взошла и бросала неверный свет сквозь решетку окна. Мы опустились на колени и взяли холодные ладони Бенджамина в свои. Мы не говорили ни слова. Слышны были лишь всхлипы, и губы Бенджамина приоткрылись, ибо мать рыдала, уткнувшись ему в шею. С какой живостью память возвращает мне эту печальную ночь! Мать и сын завели разговор. Он просил прощения за страдания, которые причинил. Она отвечала, что ей нечего прощать: она не может винить его за стремление к свободе. Он говорил, что, когда его поймали, он вырвался и готов был броситься в реку, но тут его одолели мысли о ней, и он удержался от этого поступка. А разве о Боге он не подумал, спросила она. Тут мне показалось в лунном свете, что лицо его исказилось яростью. Он ответил:

– Нет, о нем я не думал. Когда человека загоняют, точно дикого зверя, он забывает, что есть на свете Бог и рай. Он забывает обо всем, стараясь лишь сделаться недосягаемым для гончих.

– Не говори так, Бенджамин, – взмолилась она. – Доверься Богу. Будь смирен, дитя мое, и хозяин тебя простит.

– Простит меня за что, матушка? За то, что не позволил ему обращаться с собой как с собакой? Нет! Я никогда не смирюсь пред ним. Я работал на него без малого всю жизнь, а мне платили плетьми да тюрьмой. В ней я и останусь, пока не умру или пока он не продаст меня.

Бедная мать содрогнулась при этих словах. Верно, Бенджамин это почувствовал, ибо когда заговорил снова, голос стал спокойнее.

– Не переживай обо мне, матушка. Я того не стою, – сказал он. – Жаль, что мне не досталось твоей добродетельности. Ты сносишь происходящее терпеливо, словно полагая, что все в порядке вещей. Жаль, я так не могу.

Бабушка возразила, что не всегда была такою; некогда и ее дух был так же пылок, как у него; но, когда тяжкие испытания падали на ее плечи, а ей не на кого было опереться, она научилась взывать к Богу, и Он облегчал ее бремя. И стала молить сына поступить так же.

Мы, забывшись, засиделись дольше отведенного срока, и пришлось спешно уходить.

Бенджамин был в заключении три недели, когда бабушка пошла к его хозяину с целью вступиться за сына. Тот был неумолим. Он сказал, что Бенджамин должен послужить наглядным примером для остальных рабов; его следует держать в тюрьме, пока он не покорится – или не будет продан, если за него удастся выручить хотя бы доллар. Однако впоследствии несколько смягчил суровость. Цепи с Бенджамина сняли, и нам позволили навещать его.

Прошло три месяца, перспектив освобождения или покупки по-прежнему не было. Однажды кто-то услышал, что Бенджамин в камере поет и смеется. Об этом неблаговидном поведении донесли хозяину, и надсмотрщику было велено заново заковать его. Теперь он содержался в камере с другими заключенными, которые укрывались завшивленными тряпками. Бенджамина приковали рядом с ними, и вскоре его тоже стали донимать паразиты. Он трудился над оковами, пока не преуспел в избавлении от них. Тогда он просунул их сквозь прутья решетки с просьбой отнести их хозяину и сообщить, что раб его завшивел.

Эта дерзость была наказана более тяжелыми кандалами и запретом посещений.

Бабушка часто передавала ему чистую одежду. Снятую сжигали. Когда мы в последний раз виделись с Бенджамином в тюрьме, мать все еще просила сына послать тюремщика за хозяином и попытаться вымолить у него прощение. Но ни уговоры, ни споры не могли отвратить его от поставленной цели. Он спокойно отвечал:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Война за независимость США (1775–1783), которая в американской литературе чаще называется Американской революцией.

2

Евангелие от Марка, 12:31.

3

Евангелие от Луки, 6:31.

4

С англ. the evil days to come; Екклесиаст 12:1, в Елизаветинской библии «дние злобы твоея», в Синодальном переводе – «тяжелые дни».

5

Причастие.

6

Massa (англ.) – искаж. от master, хозяин.

7

64 км.

8

При натирании ртутью медь приобретает серебристый цвет, и ее можно выдать за серебро.

Купить: https://tellnovel.com/dzheykobs_harriet/ya-rodilas-rabyney-podlinnaya-istoriya-rabyni-kotoraya-osmelilas-chuvstvovat-sebya-chelovekom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити